

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации **В.Н. Грекова** "Коммуникативные особенности философской публицистики славянофилов (1830-1860 гг.)", представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

Специальность 10.01.01 – русская литература

В названии диссертационного исследования Владимира Николаевича Грекова явственно просматривается установка на новое прочтение наследия славянофилов, во всяком случае, – на приоритетность и необходимость новых ракурсов в прочтении славянофильских текстов. Предметом анализа стало именно **публицистическое** наследие, о котором уже немало написано; но автору диссертации, действительно, удается найти новые подходы к этому материалу и предложить историкам литературы некий методологический код, который позволяет по-новому увидеть и синтезизм славянофильского мышления, и органичность сочетания научного и интуитивного методов освещения важных для публицистики проблем.

Поэтому вынесенное на защиту исследование, конечно, актуально: оно раздвигает границы уже сложившихся и в целом оправдавших себя трактовок публицистического наследия славянофилов и намечает возможности иных интерпретаций. Актуальность поддерживается и стремлением автора диссертации осуществить интеграционное исследование, базирующееся на фундаменте различных гуманитарных наук. Сразу же следует отметить, что это не умаляет литературоведческую составляющую работы: диссертация В.Н. Грекова органично пребывает в рамках заявленной специальности: 10.01.01 – русская литература.

Само определение – **философская** публицистика славянофилов, а также отбор материала представляются удачными: на первый план выносятся сочинения, философский потенциал которых не подлежит сомнению; но вместе с тем, становится очевидным, что философской можно назвать и публицистику славянофилов в целом. При этом диссертант конкретизирует это определение применительно именно к славянофильскому наследию. Уже во Введении, где отмечается особая эстетическая природа публицистики славянофилов, речь идет о том, что она "рассчитана на интуицию читателя, на ассоциативное мышление, на догадку" (с. 4). Поэтому предметом анализа в работе становится художественная структура славянофильской

публистики – это принципиальное для автора положение, и оно доказательно развернуто в исследовании.

Еще одна исходная, теоретическая и методологическая, посылка, определившая формулировку темы и постоянно акцентируемая в работе, – опора на теорию коммуникативистики. В.Н. Греков выделяет понятие "коммуникативное пространство", которое рассматривается в исследованиях по эстетике, лингвистике, культурологии, теории журналистики и коммуникативистике, поясняя: "Отталкиваясь от лингвистического и культурологического восприятия этого феномена, мы превращаем его в собственно филологический метод, литературоведческий, приспособливая для изучения литературных и публицистических текстов" (с. 11-12). Признавая, что коммуникативное воздействие публистики может быть психологическим, информационным, личностным, познавательным (научным), мировоззренческим или художественным (эстетическим), диссертант для углубленного анализа избирает мировоззренческое и художественное влияние славянофильских изданий, настаивая на том, что при коммуникативном подходе именно текст оказывается в центре внимания и важными оказываются авторские интенции. История литературы, конечно, и до разработки собственно коммуникативного подхода на первый план выносила текст и автора, но если учитывать готовность некоторых современных исследователей поставить под сомнение фактор автора, то и данная позиция приобретает методологическую актуальность. О некоторых уязвимых моментах коммуникативного подхода (во всяком случае, его абсолютизации) еще придется сказать, однако нужно признать, что избранное направление анализа достаточно перспективно. Поиск славянофилами форм воплощения теории в жизнь, условия, которые препятствовали подобным намерениям (причем, как "внутренние", так и "внешние") – все это не становилось предметом системного рассмотрения. И, как свидетельствует диссертация, теория коммуникации здесь оказалась не только уместной, но и в целом результативной. Для славянофилов, в самом деле, важным было добиться реального воздействия разрабатываемой ими теории, сформировать общественное мнение, побудить к интеллектуальному сотрудничеству современное им общество. Это отмечалось в научных трудах, но сам механизм подобных усилий и причины недостаточной их результативности не исследованы. Поэтому можно говорить о новаторском характере диссертационного исследования В.Н. Грекова.

Для решения поставленных задач, для аргументированного развертывания положений, вынесенных на защиту (а их немало!), диссидентанту потребовалось просмотреть и переосмыслить чрезвычайно обширный материал. Конечно, необходимая база для подобного исследования создавалась многолетним изучением славянофильских трудов, и прежде всего – Ивана Аксакова, наследием которого Владимир Николаевич весьма успешно занимался. Но докторская диссертация побудила и, можно сказать, обязала его найти взаимодействие историко-литературного и теоретического подходов, что предопределило убедительный результат. Научные базы лингвистики, философии, теории и истории литературы были продуманно использованы для решения масштабных задач.

В.Н. Греков подверг анализу труды славянофилов 1830-1860-х гг. Он досконально изучил периодические издания ("Европеец", "Москвитянин", "Московский сборник" 1852 г.), обращая особое внимание на характеристику коммуникативного пространства публицистики. Рассмотрена природа познания в славянофильской публицистике, дана характеристика ведущих концептов. Выявлены историософские проблемы, поднимаемые славянофилами, но привлекавшие и тех мыслителей, которые прямо не были связаны со славянофильством. Привлечены и введены в научный оборот рукописные материалы. В итоге: представлены основные направления эволюции философской публицистики славянофилов (основной акцент сделан на движении от теории познания и эстетики к религии и историософии); исследованы особенности поэтики философской публицистики славянофилов; установлена и проанализирована диалогичность славянофильской публицистики; выявлена природа сближения литературного и публицистического в творчестве славянофилов (базирующаяся на использовании возможностей образного слова).

Заслуживает поддержки особое внимание, уделенное журналу И.В. Киреевского "Европеец". Он интерпретируется как издание, с которого начинается диалог будущих славянофилов и западников, а также – как "первый опыт выяснения собственно русских начал просвещения" (с. 77). Детально рассмотрены не только статья самого Киреевского, но и все материалы "Европейца", в том числе – перевод статьи Гейне как свидетельство того, что "русская и европейская мысль вступают в диалог, образуя сложное единство, смешанную русско-европейскую коммуникацию" (с. 85). Подробный анализ статьи Гейне направлен прежде всего на

выявление смысловых сближений в позициях немецкого поэта и Киреевского.

Последовательное выявление в диссертации диалоговых возможностей славянофильских изданий представляется верным, соответствующим духу славянофильского знания и перспективным. "Москвитянин" 1845 г., редактируемый И.В. Киреевским, также рассматривается как определенная форма диалога. "Московский сборник" интерпретирован как единый текст, в котором совершается сравнение обычаев, жизненных принципов и установок России и Европы; при этом отмечается, что авторы сборника считают нужным обратить внимание и на исходный момент отношений – расхождения России и Запада. В центре внимания, таким образом, оказывается судьба "русской идеи" и ее отношения с иными "идеями". "Русская и европейская мысль, - сказано в диссертации, - вступают в диалог, образуя сложное единство, смешанную русско-европейскую коммуникацию" (с. 85).

В.Н. Грекову удается убедительно показать, что в публицистике славянофилов ведется достаточно напряженный диалог или даже серия диалогов: между статьями самих славянофилов, между славянофилами и приглашенными авторами, между славянофилами и западниками. Как особый вид "внутреннего, скрытого диалога" интерпретируются пометы цензоров на статьях публицистов. В диссертации детально рассмотрены отношения с цензурой в ранних изданиях, аналитически представлена цензурная история "Московского сборника".

Поставив задачу изучить коммуникативные особенности славянофильской публицистики, В.Н. Греков понятием "коммуникация" и производными от него пользуется достаточно часто. В большинстве случаев это вполне оправдано, и заявленный подход, как уже отмечалось, позволяет обратить внимание на те стороны славянофильской деятельности, которые оставались в тени. И в то же время создается впечатление, что имеют место определенные издергки в использовании избранной современной терминологии ("коммуникативная матрица", "медиа-воздействие", "кризисная коммуникация"), что историческая и эстетическая роль "коммуникативного кризиса", его воздействие на характер развития публицистики славянофилов преувеличена. Так, речь идет о коммуникативном кризисе, который был связан с постоянным вмешательством власти в дела литературы и публицистики: он обнаружил кризис доверия публицистов к власти и кризис доверия власти к свободной

мысли. Несколько раз отмечается, что "цензорами руководила не глупость, не какое-то отчаянное неприятие идей славянофильства, а необходимость принимать решения в условиях кризиса, кризисной коммуникации" (с. 159).

Сама характеристика коммуникативного кризиса точна (власть в этой ситуации любое отклонение от официальной точки зрения рассматривает как нарушение порядка, едва ли не преступление), но так ли велика роль этого кризиса в судьбе славянофильства, ведь в диссертации отмечено, что коммуникативный кризис, являясь производным от общего культурного и политического кризиса, охватившего Россию, становится перманентным, он проявляется в разные эпохи. Возникает вопрос: если бы доверие власти к свободной мысли было достаточным, это уберегло бы славянофильскую мысль от определенного непонимания, которое имело место в обществе? И сам диссертант убедительно пишет о том, что имели место определенные сложности во взаимопонимании внутри славянофильского кружка. "Внутренний" (философский, онтологический) аспект во взаимоотношениях носителей разных мировоззренческих убеждений играл, думается, роль более значительную, чем "внешний", каковым является непонимание между властью и общественным деятелем. Когда речь идет о том, что И. Аксаков, издавая "Парус" в 1859 г., "доводил логику единого направления до предела" и писал Погодину, что не поместил бы в своей газете статьи Пушкина и Гоголя, если бы они расходились с направлением газеты, и этот парадокс объясняется прежде всего воздействием коммуникативного кризиса (с. 167), то с этим трудно согласиться.

Впрочем, привязанность автора диссертации к коммуникативным процессам не мешает ему в конкретном анализе быть достаточно убедительным. Очень хорошо выстроена цепочка параграфов в 1 главе: от 3-го (о "Европейце") к 4-му (о "Москвитянине") и к 5-му (посвященному "Московскому сборнику").

Исследуя эстетику познания в публицистике славянофилов и прослеживая движение славянофильской мысли от концепта к образу, В.Н. Греков проявляет присущее ему чутье филолога, базирующееся на доскональном изучении материала и многочисленных научных источников. Он стремится избежать двух недостатков в интерпретации славянофильских взглядов: заданности, предвзятости – и игнорирования образной природы славянофильского мышления и стиля. Поэтому ставится задача, прежде чем трактовать исторические концепции славянофилов, реконструировать их взгляды на бытие и сознание, то есть исследуются именно философские

асpekты славянофильских трудов (прослеживается развитие представлений о разуме, рассудке, воле, сознании, пространстве, времени и др.). На первый план во второй главе вынесены концепты, связанные с гносеологией и онтологией славянофилов ("цельность", "разум", "рассудок", "воля", "чувство", "сердце"). Рассматривая конкретные концепты, В.Н. Греков стремится выстроить целостную картину славянофильского сознания в его развитии и в устойчивых, не подлежащих изменениям началах, по-своему реализуя установку самих славянофилов на целостныйхват многообразных явлений жизни. Справедливо отмечено, что славянофильские мыслители "пытались охватить всю жизнь общества и народа – одним взглядом, как бы целиком, не разрывая на части, а в целом. Мир выстраивался ими как единая картина. То, для чего не хватало научных, точных знаний, восполнялось интуицией и художественными образами" (с. 173).

Правда, возникает вопрос, почему работы, посвященные философским вопросам, отнесены к философской **публицистике**? Конечно, любое сочинение славянофилов несет в себе публицистический заряд, а собственно публицистический текст может быть насыщен философскими размышлениеми, но уместным было бы поставить проблему соотношения публицистического и философского.

Очень хороши вопросы, которые формулирует диссертант, анализируя те или иные статьи и словно вытягивая эти вопросы в некую цепочку, обнаруживающую смысловую открытость либо внутреннюю противоречивость славянофильских работ. Например, когда рассматривается соотношение веры и науки (философии) в понимании И.В. Киреевского: "Нет ли здесь противоречия? Не впадает ли автор в рационализм, которого так избегает?" (с. 236). И далее: "Киреевский пытается понять, существует ли связь (и какая именно) между философской цельностью и цельностью жизни верующего человека? Что связывает их, кроме общности самого процесса мышления? ... Вопрос в том, что победит – вытеснит ли образованность веру и создаст соответствующие убеждения философские, или же вера, победив наносную образованность, создаст свою философию?" (с. 237). В.Н. Греков проникает в сам процесс славянофильского размышления, словно соучаствуя в нем и решая те же вопросы, которые беспокоили мыслителей XIX века.

И.В. Киреевский, – убежден диссертант, – постигает прежде всего природу "духовного человека", "исследование религии для славянофилов с самого начала не было самоцелью", "публицистов интересовал человек" (с. 238). Да, но все-таки не потому, что религия представлялась чем-то

вторичным, ведь не случайно сказано, что на первом плане – **духовный** человек. Славянофилы хорошо знали и чувствовали, что природу веры выразить в слове – в полной мере – невозможно. Киреевский в статье "Девятнадцатый век", действительно, "не пользуется концептом "вера" и заменяет его другими - "убеждение" и "обряд" (с. 238), но в более поздних работах будет иначе. Не случайно и в диссертации сказано о Хомякове (не менее, чем Киреевский, размышлявшего о вере): "Для него вера, действительно, не убеждение, не наука, а – воздух, первооснова жизни" (там же).

В целом можно отметить, что В.Н. Грекову удаются психологические характеристики славянофилов. Отмечу две: "Кошелев пишет о конце времени, о завершении истории, он статичен. Аксаков – весь в действии, его слова пронизаны историей ... Для Аксакова высшая ценность – любовь (направляющая веру), для Кошелева – вера (направляющая в нужную сторону любовь)" (с. 241-242).

Особо хочется поддержать принципиальное для автора положение: "В основе теоретических построений славянофилов лежит образ, который затем переходит в логическое понятие (категории) и в конце концов подымается на новый образный уровень, философского образца и даже символа" (с. 268); речь идет также об "интуитивном, эвристическом способе познания" как способе мышления. Высказанные положения подтверждаются детальным анализом конкретных статей славянофилов. Владимиру Николаевичу, в итоге, удается показать, что "онтологические, религиозные категории в публицистических текстах славянофилов, не теряя логического значения, превращаются в образы" (с. 264), при этом особенность славянофилов в том, что "интуиция и образ не дополняют методы научного познания, а рассматриваются наравне с последними" (там же).

Рассмотрев категории, наиболее важные для славянофильских текстов, автор диссертации делает справедливый вывод о том, что категории, как и образы, не только взаимосвязаны в славянофильской публицистике, они свободно перетекают друг в друга, дополняя и изменяя смыслы, свидетельствуя о полицентричности славянофильской теории. В рецензируемой работе, как можно видеть, содержится не только много точных и новых наблюдений, но предлагаются системные выводы, которые выводят изучение славянофильских трудов на принципиально новый и перспективный уровень.

Погружаясь в историософию славянофилов, В.Н. Греков прослеживает развитие теории национальной самобытности и, в том числе, детально изучает проблему народности в славянофильских трудах. Привлекаются как работы 1840-1850-х гг. (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского), так и следующего десятилетия – публицистические статьи Ивана Аксакова (особо рассмотрено явление "лженародности", интерпретируемое как концепт и исторический образ).

Рассматривая такие проблемы как "Память власти и память народа", "Язык и история", "Историческое сознание и историческая истина", В.Н. Греков оперирует разнородными в жанровом отношении трудами славянофилов. Это магистерская диссертация К.С. Аксакова, посвященная Ломоносову, теоретические статьи И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, статьи на страницах газет И.С. Аксакова. При этом выдерживается центральная линия исследования: выявление отношений логического и образного, что свидетельствует о филологической направленности диссертации. Столь же последовательно осуществляется обнаружение коммуникационных особенностей публицистики; причем оба аспекта предстают как взаимосвязанные друг с другом.

С некоторыми положениями можно поспорить. Так, не вполне точным (во всяком случае, не вполне доказанным) представляется тезис о том, что Иван Аксаков в 1860-е гг. явно испытывал влияние П.Я. Чаадаева. Диссертант напоминает, что именно Чаадаев "первым написал о том, что Россия составляет какое-то исключение в истории человечества, не принадлежит ни Востоку, ни Западу, не выдвинула никаких новых идей" (с. 308). Но признание особости русского пути у И. Аксакова не предполагает акцента на том, что Россия ничего своего не внесла в сокровищницу цивилизации. Может показаться общим тезис об отсутствии в России движения в отличие от других (европейских) стран, но досада Аксакова на неподвижность русской жизни занимала свое место в его письмах 1840-1850-х гг., в последующее десятилетие она не так явственна. Если же общность видеть в концепции "обратного прогресса", как пишет Владимир Николаевич, то это вряд ли является ведущим тезисом как Чаадаева, так и Аксакова. Как признано и в диссертации, у Аксакова имеет место противопоставление народной (древней, самостоятельной) и не-народной (современной, подражательной) культуры. У Чаадаева этого хронологического раздела, действительно, нет.

Стремление диссертанта обширное наследие славянофилов рассмотреть прежде всего сквозь призму коммуникации обнаруживает определенные издержки. Само понятие публицистической коммуникации интерпретируется достаточно спорно. Автор называет ряд ее особенностей и находит их в публицистике И.С. Аксаковых. Речь, в частности, идет о том, что "сакрализация и профанирование" определенных понятий (таких как "народность", "русский дух", "православие") – это "разные аспекты коммуникативного воздействия публицистики, одинаково необходимые автору, хотя и в разных ситуациях, и наталкивающие, разумеется на разные выводы" (с. 345). Не думаю, что Аксаковы, особенно Константин, прибегают и к сакрализации, и к профанированию явлений и понятий, о которых идет речь. Славянофилам 1840-1850-х гг. это не свойственно, а вот позже, думаю, у нового поколения, у нео-славянофилов происходит отступление от определенной, твердой и последовательной, позиции. Поэтому и движение И. Аксакова от 1840-х к 1860-м гг. стоило бы зафиксировать более определенно, отдельно поговорив о тех переменах, которые происходили в сознании и практике славянофилов в новую эпоху.

Вызывает сомнение и постановка вопроса о народе как культурном герое в понимании славянофилов. Один из параграфов получает название "Мифологический сценарий: народ как культурный герой". Речь идет о том, что славянские народы выполняют в концепции славянофилов ту же роль, что в мифологии отведена культурному герою. Культурный герой – явление архаической культуры; народ, в понимании славянофилов середины XIX века – явление, опирающееся на культуру христианскую. Какой бы ни была преемственность между разными эпохами культурного развития, не стоит следы архаических явлений отыскивать везде, в том числе, в литературе Нового времени. В современных литературоведческих интерпретациях понятия "мифа", "инициации", "культурного героя" максимально расширены, и почти потеряно первичное содержание этих явлений. Говоря о ранних пластиах развития (или даже просто упоминая о них), стоило бы придерживаться более точных историко-культурных дефиниций. У архаического культурного героя, например, был двойник, трикстер, который портил то, что сознательно или невзначай порождал культурный герой. В диссертации сближение русского народа с культурным героем видится в том, что первому "предстоит просветить и развить братьев-славян" (с. 349), но это не функция архаического персонажа, это его более поздняя интерпретация, рождающаяся за пределами мифа. Владимир Николаевич сетует на то, что

"публика ... не поняла и не разделила идею о народе – культурном герое" (с. 353), и отмечает сложности восприятия (коммуникации) текстов Аксакова. Но публика, увы, не была искушена в мифопоэтике.

В Заключении еще раз отмечено, что коммуникативный кризис, охвативший русскую печать в XIX веке, затронул и философскую публистику славянофилов, не позволил ей отразить целостность мира и неразрывность его познания. Однако и рецензент вправе еще раз напомнить, что причина могла быть не только в коммуникативном кризисе.

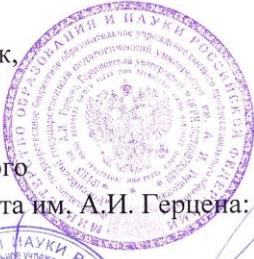
Высказанные сомнения и вопросы не означают, что положения, высказанные в работе, выглядят неубедительными. Вопросы, обсуждаемые на страницах диссертации, потребовали от автора разносторонних знаний, методологической четкости, умения отстаивать свою точку зрения.

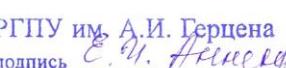
Диссертация В.Н. Грекова имеет бесспорную научную ценность, как историко-литературную, так и теоретическую. Положения, высказанные в ней, новы и могут быть использованы как в академической науке, так и вузовской практике, при чтении курсов по истории русской литературы и общественной мысли.

Автореферат и опубликованные работы в полной мере отражают содержание диссертационного исследования.

В.Н. Грековым написано серьезное, глубокое исследование, соответствующее критериям, установленным п. 7, 8, 9 "Положения о порядке присуждения ученых степеней" Правительства РФ.

Диссертация В.Н. Грекова "Коммуникативные особенности философской публистики славянофилов (1830-1860 гг.)" отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой
русской литературы
Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена: – Е.И. Анненкова

РГПУ им. А.И. Герцена
подпись
удостоверяю « 22 МАЙ 2015 » Управление персонала
Отдел персонала О.И. Гайдай
управления кадров и социальной работы

